

О древненовгородских языковых следах в регионах Восточно-Европейского Севера и Сибири

© 2018

Валерий Леонидович Васильев

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого,
Великий Новгород, 173003, Российская Федерация; vihnn@mail.ru

В статье рассмотрена проблема древненовгородской колонизации Русского Севера и Северо-Востока в аспекте возможностей ее изучения по историко-археологическим и диалектным данным. Произведен историко-диалектологический и этимологический анализ тех севернорусских лексических единиц, которые по своим отличительным особенностям уверенно квалифицируются как элементы древненовгородского происхождения. Приоритет отдается фактам, отличающимся дополнительной древненовгородской конкретикой, и следовательно, более показательным и достоверным. Среди них географические термины *шелóник, рель, рёлка, хиб, хибина, хибень, лименец, вóдось, шолóнь, кáмник*, устойчивый оборот *провалиться как в камский мох*, топонимы *Хибины, Нальостров, Обрадovo, Некшино, Волма (Волменское), Холуница, Холуная, Нократ (Нухрат), Вятка, Волхов, Солпа, Солоповка, Вишера, Вишерка, Песьянка, Полюдово, Полюдята* и др. Сделаны выводы о путях и времени проникновения далеко на север и восток перечисленных лексических, фразеологических и топонимических фактов.

Ключевые слова: географическая терминология, новгородская колонизация Русского Севера и Северо-Востока, топонимия, языковые следы древненовгородского происхождения

Old Novgorod linguistic traces in the regions of Eastern-European North and Siberia

Valery L. Vasilyev

Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, 173003, Russian Federation; vihnn@mail.ru

The article addresses the problem of Medieval Novgorod colonization of the Russian North and North-East and examines it in light of historical, archaeological, and dialectal data. Many Northern Russian lexical units are interpreted as elements of Old Novgorod origin by their distinctive characteristics; their etymology and dialectal history is analyzed. Priority is given to facts with an additional Old Novgorod specificity, which are therefore more revealing and reliable. Among them are such geographical terms as *shelónik, rel', relka, khib, khibina, khiben', limenets, vódos', sholón', kámnik*, phraseological unit *provalit'sya kak v kamskii mokh*, toponyms *Khibiny, Nal'ostrov, Obradovo, Nekshino, Volma (Volmenskoe), Kholunitsa, Kholunaya, Nokrat (Nukhrat), Vyatka, Volkhov, Solpa, Solopovka, Vishera, Visherka, Pes'yanka, Polyudovo, Polyudyata*, etc. Conclusions are drawn on the ways and the time of penetration of the listed lexical, phraseological, and toponymic units far to the North and East.

Keywords: geographical terminology, linguistic traces of Old Novgorod origin, Novgorod colonization of the Russian North and North-East, toponymy

Новгородское Приильменьё и Поволховье (окрестности оз. Ильмень, включая течения его крупных притоков Ловати, Мсты, Шелони, а также бассейны самого Волхова и соседней р. Луги) традиционно считают тем исходным регионом, откуда раньше всего началось древнерусское заселение севера Восточной Европы и Азии. В большей степени это Русский Север до Полярного Урала, отчасти — более южные сопредельные регионы (Костромской край, Прикамье) и более восточные пространства Среднего Урала и Сибири (практически

до Восточной Якутии, где в низовьях рек Индигирки и Колымы до сих пор остаются старожильческие села, основанные севернорусами-переселенцами¹).

В общем виде этноязыковая ситуация в Приильменье и Поволховье, какой она видится накануне древненовгородской колонизации Восточно-Европейского Севера, обрисовывается следующим образом. Судя по данным археологии, ранние славяне появились в бассейне Ильменя, скорее всего, уже в VI в. н. э. — в эпоху позднепраславянских миграций. Первоначальное освоение этой территории славянскими племенами завершилось в X в. и не продолжалось севернее южного побережья Ладоги и восточнее долготы Бежецка, Весегонска и среднего течения Мологи. Такой вывод можно сделать, во-первых, исходя из распространения археологических культур с участием ранних славян — псковско-новгородских длинных курганов и новгородских сопок (ареалы этих культур не выходят за указанные территориальные пределы, см. [Седов 1999: 117—128, 141, 158—165]), и, во-вторых, с учетом двух археологических дат: 1) прекращения традиции возведения новгородских сопок в X в. и 2) заложения в середине X в. в верховьях Волхова города Новгорода [Янин 2004: 71], который быстро превратился в территориально-политический и культурный центр Северной Руси. В X в. бывшие племена кривичей и ильменских словен, упоминаемые Начальной летописью, стали древненовгородским населением Приильменья и Поволховья, включая жителей самого Новгорода.

Древние письменные источники позволяют судить о главных вехах постепенного распространения новгородской государственной власти на Русском Севере в I-й пол. II тыс. н. э. По древненовгородским летописям, актам, письмам на бересте, надписям на деревянных цилиндрических печатях сделаны заключения об этапах постепенного расширения новгородской податной территории (так, на рубеже XI—XII вв. новгородцы уже собирали дань мехами на р. Тихменьга у оз. Лаче бассейна Онеги, в бассейнах рек Вага, Емца, притоках Северной Двины, в начале XII в. — на Пинеге, Печоре и в Перми, в последней трети XII в. стали собирать дань в Югре и на Терском побережье Кольского полуострова); о местах размещения древненовгородских погостов-становищ и монастырей, о главных водных путях и волоках, по которым продвигались древние новгородцы на север и восток, о взаимоотношениях новгородских бояр, монахов и ушкуйников с местным неславянским населением, см. [Куза 1975; Насонов 2002: 85—105; Янин 2004: 101—113]. Вместе с тем, как указывает А. Н. Насонов [2002: 104], не следует отождествлять процесс установления государственной власти на Русском Севере с процессом колонизации севернорусской территории. Народная низовая колонизация — более сложное явление, развивавшееся как бы подспудно, незаметно для письменных источников. Отчасти она была производна от нарастания податной территории, продвигалась вслед за захватом новых земель новгородской знатью и монастырями, а отчасти происходила независимо от процессов огосударствления, например при бегстве бедных слоев населения от феодальной зависимости, при освоении населением новых угодий, благоприятных для охоты и рыболовства. Очевидно, появление древненовгородских языковых следов далеко за пределами некогда подвластных Новгороду земель во многом обязано именно низовой колонизации. Расселение славян на земли далеко к северу и востоку от Приильменско-Поволховского региона происходило еще до возникновения Новгорода и Пскова, но широкомасштабная колонизация в восточном и северо-восточном направлениях развернулась только с XI в., судя по быстрому росту числа сельских поселений на Восточно-Европейском Севере в XI—XIII вв.; как показывает археология, севернорусские селища, возникшие в этот период, образуют компактные группы, расположенные вблизи крупных озер и в долинах крупных рек, тогда как водораздельные участки оставались почти не заселенными [Makarov et al. 2012: 7—8].

¹ Например, говор села Русское Устье в низовьях Индигирки показывает максимальную близость к Поморской группе говоров севернорусского наречия, а местное предание основателями села считает древних новгородцев, пришедших сюда по морю [Чикачев 2005].

Кладзем фактов для изучения древненовгородской колонизации безусловно являются данные русской диалектологии. Однако, если обратиться к своеобразие северного наречия, главным очагом и источником которого традиционно считаются говоры близ озера Ильмень и Новгорода, то самый отличительный и распространенный фонетико-грамматический материал оказывается далеко не всегда генетически связан с раннеславянскими говорами Приильменя и Поволховья. Немалая доля севернорусских диалектных явлений, позднее отчасти поддержанных нормами русского литературного языка, обязана ростово-суздальской колонизации: выпадение интервокального *j* в формах прилагательных, местоимений, глаголов, появление форм местоимений *меня́, тебя́, себя́* в род. и вин. п., широкое распространение на Русском Севере губно-зубных *в — ф, в' — ф'* и долгих мягких шипящих *ш 'ш', ж 'ж'* и др. Некоторые севернорусские явления — это общедревнерусские архаизмы, не обязательно соотносимые с древненовгородским диалектом Приильменя и Поволховья (например, полное оканье и другие системы различения безударных гласных), или же, напротив, совсем поздние инновации внутри северного наречия, как, скажем, упрощение конечных *ст > с*, относимое к XVIII в. [Захарова и др. 1970: 141, 217]. К новгородской колонизации Севера и Северо-Востока имеют отношение две группы диалектных явлений. Одну из групп составляют сравнительно многочисленные, но разрозненные севернорусские черты, которые присутствуют также, и обыкновенно в более полном виде, в западнорусских говорах, украинском и белорусском языках; к ним относят, например, случаи сохранения ударной фонемы *e*, не перешедшей в *o* перед твердыми согласными, наличие отвердевших губных на конце слова, чередования *в // w (ÿ)* и *л (l) // w (ÿ)* в конце слова и слога, произношение удвоенных согласных на месте бывших сочетаний с *j*, ударное окончание *-ей* или *-ый* в формах им. п. ед. ч. прилагательных и местоимений м. р. типа *молодэй, молодый*, форму местоимения *йейé* в соответствии с литер. *йейó*, конструкцию типа *косить трава* и др. [Там же: 200—209]. Все такие черты закрепились в северном наречии в основном благодаря продвижению населения из Приильменя и Поволховья далеко к северу и востоку, но Приильменско-Поволховский регион не является очагом возникновения данных черт, они зародились далеко к югу от Ильменя. Вторая группа севернорусских диалектных явлений, обязанных новгородской колонизации, охватывает явления собственно новгородского генезиса. Таковыми, например, считают севернорусское мягкое цоканье, ассимиляции *бм > мм, дн > нн*, совпадение форм дат. и твор. п. мн. ч. прилагательных, местоимений и существительных, распространение безличных предложений с главным членом — страдательным причастием и др. [Там же: 184—199, 231—235].

Большинство севернорусских диалектных особенностей, перенесенных новгородским населением преимущественно в I-й пол. II тыс. н. э., — это сравнительно поздние инновации, ареалы которых в настоящее время за некоторым исключением невелики, индивидуальны по очертаниям и не образуют пучков. Более раннее явление-архаизм, распространенное колонизационным потоком с окрестностей Ильменя и Волхова, вероятно, представлено реализацией **ě* в виде [ä] и в других широких гласных среди части заонежских и архангельских говоров: арх. *ця́лый, тя́стице, зды́лал, пря́сной* и др. [Касаткина 1991: 66—72]. Однако, похоже, самые древние черты новгородского генезиса сегодня уже не имеют ареалов на Восточно-Европейском Севере, проявляясь в виде изолированных, реликтовых следов. К числу таких новгородских реликтов следует отнести черты древненовгородского диалекта, существенно отличные от «стандартных» черт древнерусского языка. Говоры раннеславянского приильменского населения, как свидетельствуют в первую очередь ранние грамоты на бересте XI—XII вв., сохраняли заметную примесь отличительной специфики, которая к концу XV в. практически уже нивелировалась. Специфические черты обнаруживаются на всей территории Приильменско-Поволховского региона, но чаще к западу от Новгорода, благодаря чему их обыкновенно приписывают диалекту псковской группировки кривичей [ДНД₂: 5—7]. Наличие выразительных «кривичизмов» в отдаленных от Приильменя и Поволховья русских говорах Восточно-Европейского Севера подсказывает их исходный

новгородско-псковский адрес, равно как предполагает сравнительно раннюю эпоху их проникновения в отдаленные северные и северо-восточные земли. Ранее уже отмечались отдельные севернорусские лексемы, закрепившие элементы древненовгородской фонетики: слова с отражением др.-новг. перехода *tl > кл* (ср. перм., урал., вят. *клён* 'шея, загривок' при сиб., сев.-русск. *лён* 'шея, загривок', нижегор. *клаты* 'руки и ноги' при общерусск. *lána*), перехода *мл' > н'* (ср. нижегор. *крень* 'кремль', арх., колым. *кренёвый* 'сделанный из смолистого дерева' наряду с диал. *кремлёвый* в этом же значении), с неполногласием, напоминающим польское неполногласие (ср. *млóдый* 'молодой' в онежских былинах), с отсутствием результата второй палатализации (ср. олон. *кеж* 'процеженный раствор овса, муки', *кепéц* 'цеп молотильный' при общерусск. *цедить, цежу, цеп*) и др.; см. примеры из [Глушкина 1968; Николаев 1988; 1989; НГБ 1986: 89—219; НГБ 1993: 191—321; ДНД₂: 40—51].

Некоторые лексические элементы диалекта древних новгородцев, проникавших в отдаленные регионы Северо-Восточной Европы, а также Сибири (поскольку русская колонизация Сибири на ранних этапах была продолжением новгородской колонизации Европейского Севера [Аникин 2000: 11]), обнаруживаются в виде заимствований в финно-угорских и самодийских языках. Коми ижем. *ватлан* 'ведро, железное ведро' рассматривалось Е. А. Хелимским как дериват от известного новгородцам др.-русск. *ватъ* 'ведро'², а селькупск. *qat* 'холст, полотно, платок; полог' он возводит к др.-новг. *хамъ* 'полотно', донесенному только берестяной грамотой № 288 и попавшему к новгородцам по ганзейскому пути из германских языков [Хелимский 2000; 2002: 82]. Кроме того, слово *хам* как обозначение полотна отмечено под 1747 г. в русских говорах Сибири [Панин 1991: 170], см. [Аникин 2000: 608, 678].

Наряду с диалектной апеллятивной лексикой древненовгородского происхождения привлекает внимание проприальная, особенно топонимическая, лексика, которая более отчетливо маркирует исходный регион и хорошо «консервирует» прежние черты, забытые в современной диалектной речи. На Русском Севере, Северном Урале уже выявлялись отдельные архаические русские топонимы, закрепленные, судя по разным признакам, в древней/или старорусскую эпоху: *Робье, Робий Мох*, имена рек *Смердьа, Волочанка, Паток, Сось* и др., древняя модель названий на *-ица* [Матвеев 1987]. Учитывая раннее появление новгородцев в этих северо-восточных регионах, логично предположить, что значительная часть севернорусских топонимов с архаическими чертами принадлежит к древненовгородскому наследию. Впрочем, сам по себе критерий архаичности здесь недостаточен. Хотя в древненовгородском происхождении подозревается немало единиц топонимии и лексики, функционирующих на пространствах Северо-Восточной Европы и Сибири, необходима более конкретизированная индикация географии исхода от окрестностей Ильмена, Новгорода, Волхова. В настоящей статье я остановлюсь на некоторых фактах, отличающихся дополнительной древненовгородской конкретикой и поэтому более ярких и, на мой взгляд, достоверных (избегая при этом повторения хорошо известных лексико-фонетических примеров

² О наличии в древненовгородском слова *ватъ* свидетельствует деминутив *ватець* (в значении меры сыпучих тел), донесенный новгородской грамотой на бересте № 1 (конец XIV в.): «4 ващи солоду» [НГБ 1986: 221, 268]. Впрочем, чтение «ващи» не бесспорно и поддерживается не всеми; в [ДНД₂: 648, 746] предложено читать «кащи» (= *кадьци*, плюральная форма от *кадьца* 'мера количества зерна, кадка'). С последним можно было бы согласиться (учитывая, что слово *кадьца* неоднократно прослеживается по берестяной письменности), если бы не проявление в новгородской топонимии названий оз. *Ватцо* и д. *Ватцы* вблизи г. Валдай Новгородской области. Деревня, известная с конца XV в. как сельцо *Ватцо* Нерещкого погоста [НПК, I: 894], поименована по соседнему с ней оз. *Ватцо*, тогда как название озера прекрасно объяснимо апеллятивом *ватць*, обозначавшим емкость (а как известно, обозначения хозяйственных емкостей легко переходят в сферу гидрографической терминологии и гидронимии, ср. хотя бы активно формирующие гидронимию водные термины *коры́то, котёл (котловина), казанок, кринка (криница), ендо́ва, макитра, колдóбина* и др., отсылающие к наименованиям посуды [Толстой 1969: 218—229]). Таким образом, топонимия заставляет думать, что термин *ватць* все же был знаком древненовгородским говорам.

из работ С. М. Глускиной, А. А. Зализняка, С. Л. Николаева и других авторов). Цель статьи — историко-диалектологический и этимологический обзор примерно трех десятков диалектных слов, топонимов и оборотов древненовгородского происхождения, обнаруженных в отдаленных от Приильменя и Поволховья регионах Восточно-Европейского Севера, проникших туда разными путями и в разное время. К анализу привлечены 1) севернорусские термины, топонимы и фразеологизмы, в которых так или иначе отражена зависимость от архаической топонимии Приильменя и Поволховья; 2) севернорусские лексемы с выразительными приметами древненовгородской фонетики и морфологии; 3) севернорусские лексемы, которые, судя по их ранним письменным фиксациям и ареальным характеристикам, выступают древненовгородскими новообразованиями, лексическими и/или семантическими; 4) севернорусские лексемы, о древненовгородском «исходном адресе» которых позволяет судить культурно-исторический контекст.

Самое известное надежное свидетельство отдаленного продвижения новгородской лексики на север и восток — это, конечно, сев.-русск. *шелон(н)ик* (*шалоник*, *шелойник*, *шелодник* и т. п.) как обозначение ветра обыкновенно южного, юго-западного направлений³. Термин распространился практически везде по регионам Восточно-Европейского Севера [Даль, 4: 619; СРГК, 6: 856; Мурзаев 1999, 2: 323], проник во многие говоры Сибири — тобольские, иркутские, байкальские, колымские [ЭСРДС: 687]. Давно подмечено, что он образовался от названия р. *Шелонь*, впадающей в оз. Ильмень [Зеленин 1913: 370—372; Фасмер, IV: 425; Дерягин 1967: 86—88; Мельников 1977], пожалуй, раньше всех это объяснение приведено В. И. Далем: *ша(е)лоник* — «от р. Шелоны» [Даль, 4: 619]. Преобладающее значение южного, юго-западного ветра у данного сев.-русск. термина не случайно: для жителей Новгорода и его ближайшей округи, отправлявшихся в дальние походы на север и восток, р. Шелонь расположена на юго-западе и, следовательно, ветер, дующий с берегов Шелони, для них был юго-западным. Это внутриневгородская, узкая ориентация, но она сопрягалась с ориентацией общесевнорусской, пространной: для древненовгородских переселенцев («расселенцев»), несших на север и восток слово *шелон(н)ик*, и Новгород и р. Шелонь оставались далеко на юге и на западе и *шелон(н)ик* был для них ветром с родины, находившейся южнее и западнее. Любопытен семасиологический спектр термина *шелойник* в самих центральноновгородских говорах вокруг оз. Ильмень. В отличие от семантически слабо разветвленного севернорусского термина, в Приильменье данный термин многозначен ('юго-западный ветер', 'западный ветер', 'северо-западный ветер', 'северо-восточный ветер', 'восточный ветер', 'ветер с реки Шелони' [НОС: 1299]), поскольку он до сих пор иногда сохраняет непосредственные ориентационные отношения то с городом Новгородом, то непосредственно с рекой Шелонью. Скажем, о значении термина 'северо-западный ветер' сообщают информанты из Мстинского и Старорусского р-нов («Шелоник, — так называют ветер со стороны Новгорода, то есть с северо-запада, это обычно короткий ветер. С вечера шелоник задул» Мст.; «Шелоник — северо-западный ветер» Ст.), и оно, похоже, обусловлено тем, что для жителей Мстинского р-на на северо-западе расположен Новгород, а для жителей Старорусского р-на — р. Шелонь. В тех районах Новгородской обл., которые прилегают к оз. Ильмень (Новг., Ст., Парф., Шим., Сол., Вол.), термин *шелойник* часто актуализует свой первоначальный древний смысл: им обозначают ветер, дующий от берегов р. Шелони.

Ранее была подробно обоснована гипотеза [Васильев 2012а] о том, что из близких окрестностей древнего Новгорода разошлось во многие регионы Восточно-Европейского Севера (Вологодская, Архангельская, Кировская обл., Пермский край и др.) и Сибири устойчивое выражение *провалиться* (*попасть*, *пропасть*, *кануть*) как в *ка́мский* (*ка́нский*) *мох*

³ В говорах онежских и североморских *шелонником* называют еще человека с крутым характером [СРГК, 6: 856]. К обозначению ветра это имеет косвенное отношение: перед нами дериват от *шалёный* 'шалной, буйный' (*шалён(н)ик*), фонетически сближенный с рассматриваемым метеорологическим термином.

со значением ‘сгинуть, исчезнуть неизвестно куда’. Обыкновенно в этом обороте видели связь с названием крупной р. Камы, притока Волги (т. е. *камский мох* — это моховые болота у р. Кама, см. [Богораз 1901: 4; Аникин 2000: 250]), однако такое объяснение не учитывает глубокой диалектной укорененности данного фразеологизма далеко к западу от Прикамья — в говорах Приильменя. Главное же состоит в том, что в полутора десятках километров к северу от Новгорода, рядом с Николо-Вяжицким монастырем, расположено большое топкое болото, называемое *Камский мох* [ВТК; Истомина, Яковлев 1989: 146]. Как выяснилось, это название болота не является фразеологически мотивированным, извлеченным из выражения *провалиться как в камский мох*, но предстает топонимом, который определяется в конечном счете особенностями местного ландшафта. Так, оз. Вяжицкое, охватываемое болотом *Камский мох*, раньше называлось *Каменное* [ВТК], а вытекающая из озера р. Веряжа, приток Ильменя, в своих верховьях, от оз. Каменного до д. Вяжищи, еще в начале XX в. именовалась *Каменка* [СНМНГ, I: 88—89]. Сложившаяся здесь топонимическая микросистема *Камский мох* — оз. *Каменное* — р. *Каменка* сама по себе подсказывает трактовку слова *Камский* в значении ‘каменский’. Поскольку новгородский *Камский мох* находится возле древнего Николо-Вяжицкого монастыря, это большое топкое болото было известно местным монахам, в среде которых, надо полагать, и родилось рассматриваемое выражение *провалиться как в камский мох*. Дисперсия данного оборота далеко к востоку и северо-востоку от Новгорода, несомненно, обязана разветвленной сети земельных владений Николо-Вяжицкого монастыря, имевшего свои вотчины не только почти во всех новгородских пятнах, но и далеко за их пределами, в частности в Двинских землях⁴.

Древненовгородское происхождение явно имеет многозначный ландшафтный термин *рель*, распространенный на огромном пространстве Восточно-Европейского Севера и многих регионов Сибири. В словаре В. И. Даля это слово, наряду с производным *рёлка*, обобщенно определено с пометами вост., сев., сиб. как «гребень, гривка, сухая, возвышенная полоса по болоту; остров, лужок отличной растительности, среди кочкарника и зарослей; кряжок среди болота, материковая гряда по топи; долгая прогалина в мокром лесу, веретия; сухой, непоемный хребет среди пойм; идущая грядой полоса, чем-нибудь отличная от прочего», сиб. «песчаная долгая коса, стрелка от мыса, отмель, частью над водою, песчаная гряда, гривка», нвг. «наносная, наволочная гряда в воде, вдоль берега, но в расстоянии от него, так что между релью и берегом стоит вода» [Даль, 4: 91]; близкий комплекс значений дают [СРНГ, 35: 47—51; Мурзаев 1999, 2: 170]. Приемлемой этимологии сев.-русс. *рель* до сих пор не получило, но как ландшафтный термин слово, скорее всего, является лексико-семантической инновацией, возникшей на основе диал. *рель* из сферы строительной терминологии [Фасмер, III: 467]⁵, которое обычно выступает обозначением шестов, жердей, строительных лесов, опорных столбов, в том числе для крепления виселицы, качелей [Даль, 4: 91; СРНГ, 35: 50]⁶. Переход *рель* (< *рьль*) в сферу ландшафта состоялся и окончательно утвердился, на мой взгляд, в Приильменье, где плотно сосредоточены практически все древнерусские (с XII в.) фиксации данного ландшафтного термина⁷, где отмечен его дриват в ранней суффиксальной форме *релька* (впоследствии в повсеместной форме *рёлка*,

⁴ Судя, например, по купчей грамоте 1478—1485 гг., где сообщается: «Се купи Обросим Исаков и его сын Кондрат у игумена у Варлама и у священников и у всех старцев Вежицкого монастыря землю за Волоком на Двине в Уйме у святого Николы» [АНВМ: 9].

⁵ В словаре Фасмера поддержана мысль о возведении строительного термина *рель* к праформе **rydlъ* и сближении с лит. *ardas* ‘шест’, мн. ч. *ardai* ‘колосники’.

⁶ Соотношение подобных значений строительства и ландшафта (при вторичности ландшафтных семем) наблюдается, например, в диал. *верей* и *грядá* (*грядка*), известных по говорам в качестве обозначений шестов, жердей, опорных балок и столбов, равно как обозначений продолговатых возвышенностей на местности, природных валов (см. материал в [СРНГ, 4: 145; 7: 182—187]).

⁷ Имеется, впрочем, единственный сомнительный пример, донесенный Ипатьевской летописью: «...Въехавшу емоу во Браневичаве рьли и приде емоу соль от тысячьского его Дъмьяна» под

с отвердевшим *л'*) и где сохраняются самые древние топонимы *Рель* [Срезн., III: 216; СлРЯ XI—XVII, 22: 141]. Предложенные И. И. Срезневым и авторами СлРЯ XI—XVII дефиниции др.-новг. *рьль, рель* в виде 'заливная луговина, пожня' или 'прибрежный заливной луг' не вполне точны: в низменном приильменском ландшафте, заливаемом при подъеме Ильменя, *релями* обозначали не сами заливные луга, а невысокие удлиненные возвышения среди заливных лугов, которые при высоком уровне воды тоже порой затоплялись⁸. Раннее значение ландшафтного термина до сих пор актуально по берегам Ильменя, а в целом современные говоры Новгородской обл. показывают богатейший спектр тесно пересекающихся значений для *рель, рёлка* и имеют десятки соотносимых с ними микротопонимов. Новгородский «адрес отправления» данных терминов, очень рано рассеявшихся по всему Восточно-Европейскому Северу, дополнительно подтверждается почти полным отсутствием их в говорах Центра, в частности во владими́ро-суздальских и поволжских [Филин 1972: 546].

Безусловно, на Восточно-Европейском Севере и в Сибири найдется немало других широко распространенных лексем и выражений, начавших свой путь на север и восток от исторических земель Приильменя и Поволховья, хотя далеко не все они по дополнительным признакам уверенно опознаются как древненовгородские. Чаще всего многие северно- и восточнорусские слова с выразительной новгородской спецификой представлены в удаленных от Новгорода регионах Восточной Европы как раз в виде изолированных, точечных следов: это либо топонимы, либо периферийные, малоизвестные термины. Обращусь далее к рассмотрению серии таких локальных фактов.

К этому ряду уверенно относится название гор *Хибьны* в Мурманской обл. Попытки объяснить данный ороним из саамских или финских языковых данных [Никонов 1966: 454; Мурзаев 1999, 2: 286; Поспелов 2001: 448] бесперспективны на фоне многочисленного новгородского материала: *хиб (хип)* 'возвышенное место грядой' Мст., Мош., Дем., наряду с микротопонимами *Хиб* для гористых мест в Мош. р-не, *Хибы́ (Хипы́)* для леса на возвышении в Под. и Мош. р-нах, *Хипак* применительно к сопке в Мош. р-не; в иных взаимосвязанных значениях прилагаются новг. *хиб (хип)* 'небольшой залив, рукав' Оп., Бор., Мст., Новг. и *хибина*, уменьш. *хибинка* 'то же' Кр., Оп., *хиб* 'глубокое место в реке, где бьют родники' Кр., 'вихревое движение воды; водоворот' Кр., перен. 'тот, кто делает промахи' Валд. [Строгова 1991: 130; НОС: 1246]. *Хиб* — это отглагольный дериват (от праслав. **xybati*, откуда польск. *chybać* 'бежать, мчаться', 'качать, колыхать', укр. *хиба́ти* 'колебать, шатать' и др. [ЭССЯ, 8: 153—155], появившийся как термин горного ландшафта уже на путях ранневосточнославянского продвижения от Среднего Поднепровья на север (ср. укр. полесск. *хеб* 'хребет горы' [Марусенко 1968: 253]), но окончательно устоявшийся в древненовгородских говорах, где он стал регулярно употребительным, разнообразным семантически и деривационно. От Приильменя термины *хиб, хибина* (с сингулятивным суффиксом *-ина*, характерным особенно для центрально-новгородской территории) с новгородскими колонизационными потоками проникли далеко на север, к Кольскому полуострову, где, помимо оронима *Хибьны*, зарегистрировано редкое *хибень* 'плоская возвышенность, плоскогорье' [Даль, 4: 547]⁹, и далеко на северо-восток, где в среднем течении Пинеги (Веркола) записано *хибина*

1230 г. Значение слова здесь не очевидно, можно даже предположить и строительный термин, например *рьль* как мостки для перехода по сырому месту или через реку.

⁸ На эту неточность в свое время прозорливо обратил внимание В. И. Даль: «Объяснение Акад. Слв. неправильно, *рель* (стар. род. *рли*, ныне *рели*) и встарь значило не поемный луг, а напротив, возвышенность среди поймы» [Даль, 4: 91].

⁹ В словаре Даля *хибень* сопровождается пометой «финск.», что впоследствии дало повод исследователям говорить о неславянском характере этого слова. В конечном счете *хибень* с этой пометой обязано своим появлением А. И. Шренку, чьи записи использовал И. А. Бодуэн де Куртене при подготовке третьего издания далевского словаря. Согласно Шренку, «слово это, по уверению лопарей, чуждо их языку; взято оно, конечно, с финского уменьшительного *hyypäinen*, означающего небольшой холм» [КСРНГ], см. еще [Подвысоцкий 1885: 183], однако имеющиеся сегодня диалектные факты скорее предполагают обратное, а именно — усвоение финского *hyypäinen* из сев.-русс. *хиб* или *хибень*.

‘яма’ (из диалектных записей Г. Я. Симиной¹⁰), и далеко на восток, в частности в Костромской край, где зафиксировано *хиб* ‘излучина реки’ [ЖКС: 324].

Один из островов в устье Северной Двины под Архангельском (Холмогорский р-н Архангельской обл.) называется *Нальеостров*, или *Нальестров*, *Налья*. Попытка сблизить данное название с саамским словом, означающим ‘мыс’ (*n'arg, n'ark* и т. п. лексемы в саамских диалектах), и объяснить его в одном ряду с севернорусской гидронимией *Неркомина*, *Нерьга*, *Нергозеро* [Кабинина 2011: 134] не убедительна ввиду значительных и никак не объясняемых фонетических расхождений между основой названия острова и предполагаемыми саамскими мотиваторами. Несравненно убедительнее привлечь новг. *налье*, *нальё* ‘подводная мель’, ‘подводная каменная мель на озере’, ‘низменное место, заполненное водой’ [НОС 2010: 606], твер. ‘подводная каменная мель в озере, где водится рыба’, Приселигерье [Селигер, 4: 49], пск. *налья*, *налия*, *наляя*, *наль* ‘мель посреди озера’, ‘каменная отмель’, ‘груда камней на берегу озера’, ‘каменная гряда в поле’ [ПОС, 20: 79], твер., пск. *нальё* ‘груды камней, мелкий камень на дне озера, реки и т. п.’, *налья*, *наляя* ‘подводная каменная мель’ и т. п., включая более редкие проявления данной терминологии в Ярославской и Владимирской губ. [СРНГ, 20: 26—27]¹¹. Остров *Наль(е)остров* на Северной Двине упоминается во многих новгородских грамотах середины XV в. [ГВНП: 200, 227, 247, 249, 257, 258, 262 (гр. 151, 193, 225, 227, 241, 242, 251)]. Местная округа сохраняла тесные связи с новгородской метрополией, поскольку здесь располагался основанный новгородцами Никольский Чухченемский монастырь, угодья которого распространялись и на Нальеостров, судя, например, по грамоте 225: «Се азъ рабъ божи Степанъ Олфромъевъ сынъ черноризецъ скимникъ даль есмь в домъ святому Николи землю на Налье[о]строви» [Там же: 247]. Новгородские заселители, очевидно, имевшие отношение к монастырской колонизации Русского Севера, перенесли известный им гидротермин *налье* в Северное Подвинье, закрепив его за одним из островов Северной Двины, чему благоприятствовал спектр значений термина: ‘мель; отмель; каменная гряда’ и т. п.¹² В рассматриваемом случае именно новгородский исходный локус термина *налье*, имеющего широкую новгородско-псковско-тверскую ареальную дистрибуцию, дополнительно подтвержден культурно-историческим контекстом данного места, что удостоверяется исторической документацией.

Маркером древненовгородского освоения севернорусских территорий порой служит топонимия, образованная от личных имен заселителей или владельцев. В бассейне Северной Двины одним из отчетливых отантропонимных следов такого типа является название *Обрадovo* для трех селений в окрестностях Великого Устюга бывшей Вологодской губ. [Vasm. RGN, VI, 2: 329]. У восточных славян древнее имя *Обрад* было в ходу только в древних Новгородской и Псковской землях, где зафиксированы его носители (житель Русы Павел *Обрадович*, убитый литовцами в 1234 г. [НПЛ: 73, 283], пскович *Обрад* Клевчевич, XV в. [ГВНП: 330]), а на юге Деревской и Бежецкой пятин с XV и XVI вв. отмечают две дд. *Обрадovo* [НПК, II: 800, 801; VI: 40], сюда же и д. *Обратково* (< *Обрадково*) Тверской обл. Кстати, неподалеку от дд. *Обрадovo* в Великоустюжском уезде близ р. Северная Двина и р. Стрига стояла д. *Некишино* [Vasm. RGN, VI, 1: 130] тоже, очевидно, с древненовгородскими корнями, судя по д. *Некишино* на р. Волхов близ г. Чудово Новгородской обл.¹³

Названия р. *Волма* и при ней с. *Волма (Волменское)* близ г. Киров в Кировской обл., известные по спискам населенных мест 2-й пол. XIX в. [Vasm. WRG, I: 350; VI: 110]

¹⁰ Автор благодарит С. А. Мызникова за это сообщение.

¹¹ Более подробно лексема *налье* в совокупности всех ее значений рассмотрена в работе [Васильев 2014: 257—259], где она этимологически трактуется как нерегулярный, специфический дериват от основы настоящего времени глагола *налити*, оформленный по структурной модели имен на *-ье*.

¹² В устье Северной Двины имеются еще топонимы *Никольской* рукав, *Никольской* остров, тоже, надо полагать, сохраняющие память о древнем новгородском Николо-Чухченемском монастыре.

¹³ *Некишино*, скорее всего, образовано от личного имени **Нъг(ъ)ша*, ср. болг. *Нягша*, *Нягшо* XV в., а также др.-новг. *Нъгошька* XII в., подробнее см. [Васильев 2012б: 267].

и по современным данным, выглядят выразительными свидетельствами древненовгородского присутствия в регионе Нижнего Прикамья. Вероятен прямой перенос на один из вятских притоков названия новгородской р. *Волма* (др.-новг. *Въл(ь)мь*), впадающей слева во Мсту примерно в 80 км восточнее Новгорода. В устье новгородской Волмы издревле стоит селение Усть-Волма, впервые отмеченное берестяной грамотой 80—90-х гг. XIII в.: «до Усть Воломи» (№ 390, согласно [ДНД₂: 507]), бывшее центром погоста. По иной версии, не исключающей, впрочем, первую, имел место перенос др.-новг. *волмина* (< *вълмина*) ‘место, поросшее ивовым кустарником’ (?) [СлРЯ XI—XVII, II: 315], впервые зафиксированного грамотой Варлаама Спасо-Хутынского монастырю под Новгородом 1192—1210 гг. [ГВНП: 161, гр. 104; Янин 1990: 211]. Данный термин до сих пор жив в Приильменье: есть, например, совр. новг. *волмина* ‘кустарник’ Сол., ‘место, заросшее ивовым кустарником’ Бор. [НОС: 122], пустошь *Волминицы* в Крестецком уезде 1780-х гг. [ИАДП, 2: 171, № 6988], локализуемая на притоке р. *Волма* (!), болота *Волмина*, *Кателёвская Волмина* вблизи юго-западных берегов Ильменя [Строгова 1991: 22]. Все эти лексические факты, очевидно, имеют общую этимологию [Васильев 2012б: 362—364].

Вообще говоря, в Нижнем Правобережном Прикамье (Вятский край) обнаруживается целая гроздь выразительных раннеславянских лексических архаизмов, имеющих непосредственное отношение к так называемым пригородным новгородским землям (по А. М. Неволину), или иначе — к области средневековых пятин Великого Новгорода. Так, рядом с вятской р. *Волма* и с. *Волма* в бассейне р. Вятки текут реки *Белая Холуница*, *Черная Холуница* и *Холуная*, названия которых находят отчетливую отдаленную параллель на юго-западной границе Деревской пятины Новгородской земли — только в названии оз. *Холуно* Торопецкого уезда [Шкапский 1912: 130], а также, с вариантом суффикса, в названиях р. *Холынья* (*Холынка*) под Новгородом, р. *Холынья* близ Старой Руссы, Южное Приильменье, и в другой новгородской гидронимии на *Холын-* [Васильев 2012б: 550—551].

Любопытно изолированное вят. *лименец* ‘луг, заливаемый в весеннюю пору водой’, встретившееся в посадской книге Хлынова 1629 г. [Филин 1972: 531; СлРЯ XI—XVII, VIII: 235], которое соотносится со староновгородским ойконимом *Лимен* применительно к деревне Ситенского погоста 1495/96 г. [НПК, I: 588], а позднее к пустоши *Лимень*, согласно книге 1550/51 г. [ПКНЗ, 5: 146]. Сегодня о средневековом ойкониме напоминает р. *Леменка*, впадающая в оз. Сунгурово близ г. Окуловка Новгородской обл. Анализ данной топонимической микросистемы позволяет понять, что название д. *Лимен* (*Лимень*), безусловно, отгидронимное, но деревьев в XV—XVI вв. была названа не по р. *Леменка* (*Лименка*), а по смежному с этой речкой озеру, которое сегодня известно как оз. Сунгурово, а ранее именовалось оз. **Лимен* (**Лимень*) [Васильев 2017: 147, 315—316]. Своим происхождением это средневековое новгородское название может быть обязано др.-русск. *лимен*, *лимень* ‘пристань, гавань, залив’ (< греч. λιμῆνι(ον), от λιμῆν ‘гавань’ [Фасмер, II: 497]), которое, начав путь от Причерноморья и затем от Среднего Поднепровья, благодаря восточнославянскому продвижению на север, появилось в окрестностях оз. Ильмень; по иной, более убедительной версии, перед нами др.-балт. субстратный гидроним к востоку от Ильменя, родственный лит. *Liminas*, *Liminēlis*, *Liminē*, *Limenē*, но и греч. λιμῆν ‘озеро’ [Vanagas 1981: 191]. Как бы то ни было, для вят. *лименец* «адресом отправления» предпочтительно считать приильменскую территорию.

Абсолютно бесспорен новгородский след в изолированном вят. *вѡдосъ* ‘пойма, поемное место’ XIX в. [Даль, I: 219]. Ранее мною было подробно обосновано, что *вѡдосъ*, *вѡдосъ* в значении ‘заливаемое место, пойма’ — это др.-новг. новообразование из двусосновного **вѡдосъсь* (ср. *водосѡс* ‘сырое место’, с другим местом ударения), которое подверглось гаплогонии и сократилось до *вѡдосъ* (> *вѡдос*); менее вероятен иной путь появления этих лексем: через обобщение основы косвенных падежей с утратой слабого редуцированного (например, в род. п.: *водосъса* > *водосса* > *водоса*, откуда далее обособилось *водосъ* им. п.). Данная лексическая инновация, безусловно, оформилась в ранненовгородское время, т. е. до начала падения редуцированных в XI в., о раннем его характере свидетельствует само проявление

др.-новг. *водось* в жалованной грамоте приблизительно 1134 г. князя Всеволода Мстиславича на Терпужский погост Ляховичи: «...По Ловати на низъ по конецъ Водоса» [ГВНП: 139, гр. 80] (*водосом* здесь обозначено или поименовано пойменное, заливаемое в половодье устье р. Робьи, впадающей справа в р. Ловать). Термин давно выпал из употребления в говорах Приильменя, но оставил после себя до полутора десятков топонимов (*Водоси*, *Водосы*, *Водосье* и др.), распространение которых ограничено центральными районами средневековой Новгородской земли, а следы его отдаленного продвижения на восток обнаруживаются на Центральной Вологодчине, близ берегов оз. Кубенского и р. Сухоны: волог. *вóдосы* ‘низменные пожни’ и др., подробнее см. [Васильев 2012б: 359—362].

Река Вятка, главная водная артерия Вятского края, называется по-татарски *Нократ*, по-чувашски *Нухрам* (*Амӓл*), в старых записях именуется по-татарски *Naukrad-Idel*, по-марийски *Naukrad Vyč*, *Naukrad wyd* [Vasm. WRG, I: 412; Vasmer 1971, II: 781], что означает ‘Новгородская река’ — от *Новгород*, см. [РЭС, 9: 261]. В данной связи, быть может, не случайна фонетическая переключка прозвища *гущеёды*, нередко прилагаемого конкретно к жителям Вятского края, вятчанам, а вообще — к переселенцам (!) из других краев [Казакова 2011: 33—34; СРНГ, 7: 204], с распространенным прозвищем новгородцев — *гущеёды* [НОС: 205]. Наконец, само ключевое название *Вятка*, приложенное к главной реке и к столице Вятского края, явно имеет древненовгородские истоки. Избегая подробного обоснования трактовки данного топонима (она детально изложена в [Васильев 2016]), ограничусь основными моментами. Только в области средневековых пятин Великого Новгорода, конкретнее — на северном берегу оз. Селигер и рядом с р. Молога близ г. Пестово Новгородской обл., находим пару дд. *Вятка*, фиксируемых с XV—XVI вв. [НПК, VI: 505, 506, 513; II: 569; ПКНЗ, 4: 265], причем в Деревской пятине обнаруживаем топонимию и гидронимию с показательной вариантностью «ятевого» корня *вѣт-* // *вят-* // *вет-* // *вит-*, такую как *Вѣтча* (*Ветча*, *Вятица*), *Вятца* (*Витца*) и др. Полагаю, что новгородские и прикамские названия *Вятка* приравняются к апеллятиву **вѣтъка*, метафорически возникшему термину ландшафта и гидрографии (‘ветвь дерева’ > ‘ответвление реки, речной приток’ или ‘участок местности в форме ветки, клина’). Для древненовгородской диалектной атрибуции особенно существенно, что *Вятка* демонстрирует древнекривичское произношение фонемы «ять» в виде широкого переднего звука *ä*, о котором выше уже говорилось. Столь архаический фонетический рефлекс был окончательно лексикализован в *Вятка* благодаря именно ранней топонимизации (гидронимизации) термина **вѣтъка*. В основном же на древненовгородской территории термин **вѣтъка* топонимически закрепился с более поздним отражением *ѣ* в виде *e* — как гидроним *Ветка*, повторяющийся в области пятин Великого Новгорода десятками раз применительно к малым речным притокам (о гидронимии *Ветка*, *Витка* см. [Васильев 2012б: 347—352]).

Многие знают метеотермин *шелон(н)ик*, о котором говорилось выше, но практически не известна другая удаленная от Приильменя севернорусская «реминисценция» новгородской р. Шелонь — эндемичное перм. *шолонь* ‘болотистый участок’: «Шолонь у нас называлось болотистое место» Висим, г. Пермь [Полякова 1988: 167; 2007: 404]. Хотя, разумеется, единичность фиксации допускает разного рода случайности, достоверность перм. *шолонь* усиливают факты внутриновгородских переносов названия р. Шелонь, сопряженных с закреплением его за низменными, болотистыми участками, что говорит о его семантизации как болотного термина. Таковы новг. *Шелоны* — поле у д. Голино Шим. [НОС: 1299] (низменное место близ впадения р. Шелони в оз. Ильмень, заливаемое при разливе озера), место *Шолоница* под Новгородом в дельте р. Мсты, заливаемой вешними водами: «Платок¹⁴ у Шолоницы над Рускою рекою, тритцать куч» (по книге оброчных пригородных пожен Великого Новгорода 1538/39 г. [ПКНЗ, 1: 370]), болотистая речка *Шалонка*, левый приток

¹⁴ Здесь *платок* — ‘участок сенокоса’. Этот хозяйственно-топографический термин нередко встречается в новгородской писцовой документации XV—XVI вв.

Полы [Шанько 1929] и болотистый ручей *Шелон* среди притоков Марёвки, правого притока Полы, — оба водотока в Марёвском р-не Новгородской обл.¹⁵

Древненовгородским колонизационным следом в Прикамье можно считать гидроним **Волхов** в закреплении за рекой бассейна Камы [Vasm. WRG, I: 359], ср. [РЭС, 8: 193]. Налицо полное совпадение с названием новгородской р. *Волхов*, хотя, как и в случае с вятской р. *Волма*, вероятны две трактовки прикамского гидронима, которые обе выявляют связь с древненовгородской территорией. По первой версии, перед нами действительно перенесенное имя общеизвестной новгородской реки, притока Ладожского озера, по второй версии — это независимый от новгородского *Волхова* гидроним, образованный от основы адъектива **волхов(ой)* ‘ольховый’, деривата с суф. *-ов-* от диал. *вълха*, *вълъха* ‘ольха’ [Даль, 1: 237], то же волог. *вълъха* [СВГ 1983: 82], ср. еще урал. *вълхвиний* ‘ольховый’ [Малеча 2002: 258]. Здесь важно подчеркнуть, что адъектив **волхов(ой)* ‘ольховый’ (> прикамск. *Волхов*) проявился лишь в области новгородских пятин и соседней Псковской земли, причем только в топонимическом преломлении, что свидетельствует, скорее, о древненовгородском диалектизме: д. *Волховой Остров Кургуево* на Неве близ устья р. Ижоры, около 1500 г. [ПКВод] (*Волховой Остров*, несомненно, означает ‘Ольховый остров’, см. также [Попов 1981: 57]), оз. *Волхово* бассейна Мсты рядом с одноименным урочищем Окуловского р-на Новгородской обл. (*Волхово* буквально ‘Ольховое’), д. *Волхово* в Петровском Тихвинском погосте 1545 г. [НПК, VI: 247], где-то в окрестностях г. Бежецк, оз. *Волхво* и д. *Волхво* в окрестностях г. Пушкинские Горы¹⁶.

Гидронимы р. **Солна** в бывшем Слободском уезде Вятской губ. [Vasm. WRG, IV: 347] и р. **Солноповка** в Шадринском уезде Пермской губ. [Фасмер, III: 715] квалифицируются как перенесенные из Приильменско-Поволховского региона праславянские диалектизмы. Ср. древненовгородскую д. *Солон* в погосте Егорьевском Млево 1545 г. [НПК, VI: 347], стоящую у порога *Сална (Солтинский)* на р. Мста, указанного впервые картой 1765 г. к северу от города Вышний Волочек [Васильев 2017: 51], порог *Сучий Солон* на р. Ловать южнее Старой Руссы, средневековые *Солопско*, иначе *Слопско*, названия для сельца и деревни на южном побережье Ильменя в Бурьяжском погосте 1498 и 1501 г. [НПК, IV: 27—28, 35; V: 401, 405, 417] (= совр. д. *Солобско* к северо-западу от Старой Руссы). Все они отражают усвоенную древненовгородским диалектом редкую праславянскую основу **Sьlp-*, вариантную основе **Solp-*, многочисленные континуанты которой знают южно- и отчасти западнославянские языки: гидронимы *Slápe*, *Sláp*, *Slápnik*, *Slápar*, *Slápsak*, *Slapnica* в Словении, *Slapno* в Хорватии, *Slapu* в Чехии, наряду с русск. ц.-слав. *слъпъ* ‘волна, водоворот’, сербохорв. *slân*, словен. *sláp* ‘водоворот; водопад; волна’, чеш. *slap* ‘порог на реке’ и др., сюда же ст.-слав. *въслъпати* ‘течь, струиться’ и др., по данным [Фасмер, III: 715; РЭС, 9: 116—117; ESSZI: 379].

В северных районах Пермского края и на юге республики Коми довольно компактно локализованы несколько рек на *Вишер-*: р. **Вишера**, левый приток Камы, р. **Вишерка**, правый приток Колвы, правого притока Вишеры, и р. **Вишера**, правый приток Вычегды бассейна Северной Двины. Давно отмечалось, что названия перечисленных северных рек совпадают с названием р. *Вишера*, впадающей вблизи Новгорода в Волхов. Этот гидроним, безусловно,

¹⁵ Фонетическим воздействием гидронима *Шелонь*, который у всех «на слуху» в центрально-новг. говорах, объясняется еще новг. *шелонь* ‘две доски, сбитые под углом на верху двускатной крыши’, ‘верх двускатной крыши’ [НОС: 1299], — перед нами не что иное, как результат преобразования термина *шелом* ‘верхняя часть крыши’ [Там же]; этим же вторичным воздействием объяснимо новг. *шелонить* ‘уклоняться от работы’ [Там же], преобразованное из *филонить*.

¹⁶ Само название главной новгородской р. *Волхов* (др.-новг. *Волхово*) тоже иногда трактуют со значением ‘Ольховая’. Сомнения в данной гипотезе возникают главным образом потому, что номинация ‘Ольховая’, являющаяся типовой для множества маленьких речек и ручьев, поросших ольхой, кажется слишком тривиальной для столь крупной и издревле известной реки. Поэтому чаще видят в гидрониме *Волхов* субстратные, «дославянские» истоки — прибалтийско-финские или древнеевропейские, равно как не исключают «подгонку» субстратного названия под облик славянского «ольхового» наименования (подробнее см. [Попов 1981: 56—57; РЭС, 8: 193; Васильев 2009: 266—267]).

неславянский, он до сих пор не имеет надежной этимологии, равно как не очевидна природа тождества уральских гидронимов *Вишера* (*Вишерка*) с именем столь отдаленной от них новгородской реки. Одни исследователи этимологически объединяют все эти гидронимы [Кривошекова-Гантман 1983: 77—79; Корчагин, Лобанова 2012: 123—127], причем Кривошекова-Гантман исходной считает новгородскую, волховскую *Вишеру*, объясняя уральские *Вишера* (*Вишерка*) переносом из Поволжья, другие же [Матвеев 1980: 62; Туркин 1986: 19; Игнатов 1992: 183] не усматривают никакой связи уральских гидронимов с новгородским. Применительно к аспекту древненовгородской колонизации, на мой взгляд, допустима компромиссная точка зрения по вопросу *Вишеры*. Если говорить о прямом переносе готового названия с реки на реку, то он в данном случае крайне маловероятен даже не столько из-за отдаленности рек, сколько из-за их внешней и функциональной непохожести. Новгородская Вишера — небольшая равнинная река (105 км длины вместе с главным притоком), тогда как р. Вишера бассейна Камы, по данным Водного реестра, имеет длину 415 км, а р. Вишера бассейна Вычегды — 247 км. Гидронимический перенос с малой реки на большую сомнителен, напротив, естествен перенос имени с большой реки на малую, подтвержденный многими примерами (ср., например, ручьи и речки *Дунай*, *Двинка*, *Воложка*), тем более, что волховская Вишера никогда не имела существенного значения в качестве водно-волокового пути в отличие от камской Вишеры, начинающейся с Уральских гор, по которой еще в XV в. и ранее продвигались на Урал, за Урал, в бассейны Печоры и Оби: «Вишерою вверх, да чрез Камень в Лозьву реку, да Лозьюю вниз в Тавду реку, да Тавдою рекою вниз до Тобола реки», по [Бахрушин 1928: 88—89]. Тем не менее полное фонетическое совпадение столь специфических трехсловных названий рек *Вишера* трудно считать простой случайностью. Полагаю, данное совпадение объяснимо как раз древненовгородским языковым вкладом в гидронимию Прикамья. Древние переселенцы из Новгорода и Приильменя, проникавшие по водно-волоковым путям в Прикамье и бассейн Печоры, разумеется, хорошо знали новгородский гидроним *Вишера* и переформили по его облику относительно созвучные туземные неславянские названия отмеченных уральских рек, как раз и служившие этими путями колонизации (ср. наличие в данном регионе гидронимов с созвучными формантами *-шер-* / *-сер-*, таких как *Тимшер*, *Нившера*, *Бисер* и т. п.). Действительно, чем, если не привнесенным извне воздействием новгородской р. Вишеры, которая в верхнем течении раздваивается на притоки *Большая Вишера* и *Малая Вишера*, объяснить аналогичную ситуацию с прикамской Вишерой, которая точно также в своих верховьях раздваивается на реки *Большая Вишера* и *Малая Вишера*? Таким образом, случай с *Вишерой* отличается от других тем, что иллюстрирует, скорее, древненовгородское адстратное влияние на автохтонную древнепермскую гидронимию.

В отдаленных от Приильменя говорах Верхнего Прикамья обнаруживаются и другие отчетливо древненовгородские элементы. Перм. *кámник* ‘каменистый участок местности, каменистый берег’, ‘возвышенность, на поверхности которой много камней, известняка’ [Полякова 2007: 151] отсылает к др.-новг., др.-пск. **камънии* ‘каменный’, *káма* ‘камень’ (записано недалеко от оз. Селигер, 1855 г. [СРНГ, 13: 13]); последнее отражает ранневосточнославянский переход праслав. *katu* в *a*-склонение, произошедший в бассейнах оз. Ильмень и р. Великой [Васильев 2012б: 406]. Сюда же примыкает максимально близкий дериват от **камънии* — термин *кámница* ‘печь, сложенная из камней, в бане, курной избе, хлеве и т. п.’ (Прикамье и Архангельское Подвинье) наряду с волог. *кámница* ‘груда камней’ [СРНГ, 13: 27]. Эта и другая лексика от *káма* ‘камень’ рассеялась далеко на восток из области бывших новгородских пятин, где она уже практически забыта в апеллятивном использовании, но сохраняется среди старой топонимии, например в названии средневековой д. *Камницы* Пиросского погоста 1495 г. [НПК, I: 452]. Сходным образом распространенный в Прикамье гидроним *Песьянка* (имена рек в Чердынском, Кунгурском, Оханском, Соликамском уездах Пермской губ., в Котельничском и Сарапульском уездах Вятской губ. [Vasm. WRG, III: 645]) деривационно связан (через адъектив *песьяный*) с *песь*, или *пѣсь*, — бессуффиксальным обозначением песка, апеллятивные и топонимические образования

от которого наиболее плотно сконцентрированы опять же в области средневековых новгородских пятин [Васильев 2012б: 468—471]. Отчетливо древненовгородский вклад являются собой также топонимы с основой *Полюд-* (многократно *Полюдово*, *Полюдята*), характерные для Пермской области, где распространена и фамилия *Полюдов* [Матвеев 1987: 73]: они образованы от др.-новг. личного имени *Полюд*, многократно фиксируемого новгородской (исключительно!) документацией в ранний период XI—XIII вв. [НПЛ: 26, 54, 64, 86, 211, 253, 268, 317, 446; ДНД₂: 782].

Приведем некоторые выводы. Рассмотренные единицы древненовгородского происхождения занесены на Восточно-Европейский Север преимущественно в период политической независимости Новгорода XI—XV вв. Те из них, которые отражают реалии гидроландшафта окрестности города Новгорода, обязаны своим появлением группам горожан из самого Новгорода и населения приновгородской округи, отправлявшимся в отдаленные северные, северо-восточные и восточные земли. Такие узколокальные новгородские «реминисценции» могли там появиться не ранее XI в. — эпохи быстрого усиления Новгорода как столичного центра и начала огосударствления земель далеко к северу и востоку от Приильменя и Поволховья. Так, в XI—XIII вв. благодаря передвижениям новгородцев устоялись на Севере и Востоке *шелбн(н)ик* как обозначение ветра и единично проявленное перм. *шолбнь* как обозначение болота, закрепились имена северных рек *Волма*, *Волхов*, *Вишеря*, *Вишерка*, татарское название *Нократ* и чувашское *Нухрат* для реки Вятки, притока Камы (буквально ‘Новгород’), не ранее XIV в. появился связанный с монастырским землевладением топоним *Нальостров* на Северной Двине (в эпоху постройки Николо-Чухченемского монастыря), не ранее XV в. — сев.-русс. оборот *провалиться как в камский мох* (надо полагать, после приобретения Николо-Вяжицким монастырем владений в Обонежье и Подвинье). Сев.-русс. *рель*, которое как термин ландшафта, вероятно, оформилось на низменных северных берегах Ильменя, тоже отходит к данной группе единиц. Вторая категория приведенных севернорусских примеров не имеет выразительных отсылок именно к Новгороду и к его ближней округе: вят. *вдось*, *лименец*, перм. *камник*, костром. *хиб*, арх., олон. *хибина*, *хибень* и название гор *Хибіны*, гидронимы *Холуница* и *Холуная*, *Вятка*, *Песьянка*, *Солпа* и *Солоповка* в бассейне Камы, названия селений от др.-новг. личных имен *Обрад*, *Полюд*, *Нгь(ъ)ша* в Подвинье и Прикамье. Хронология этих фактов менее конкретизирована, но в целом они тоже закрепились в период древненовгородской независимости I-й пол. II тыс. н. э. Примечательно, что большинство лексем этой второй группы обнаружено далеко к востоку и северо-востоку от области новгородских пятин, а их новгородские соответствия обычно локализируются южнее Ильменя и на южных флангах области новгородских пятин, а также на Псковской земле. Появление этих лексем в бассейнах Камы и Северной Двины связано с восточным вектором расселения из южных окраин средневековых Новгородской и Псковской земель.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- АНВМ — Акты Новгородского Вяжицкого монастыря конца XV — начала XVII в. / Подгот. публ. Анкудинов И. Ю. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2013.
- Богораз 1901 — Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / Собрал на месте и сост. В. Г. Богораз. СПб.: Тип. Имп. АН, 1901.
- ВТК — Военная топографическая карта западной части Российской империи (масштаб 3 версты в дюйме) съемок второй половины XIX в. и печати второй половины XIX в. — начала 1900-х гг.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. Валка С. Н. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949.
- Даль, 1—4 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1—4. М.: Русский язык, 1998.
- ЖКС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Ганцовская Н. С., Маширова Г. И. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2006.
- ИАДП — Фролов А. А., Пиотух Н. В. Исторический атлас Деревской пятины Новгородской земли (по писцовым книгам письма 1495—1496 годов). Т. 1—3. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008.

- КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (ИЛИ РАН, Санкт-Петербург).
- Малеча 2002 — Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков. Т. 1. (А—Ж). Оренбург: Оренбургское книжное изд-во, 2002.
- Марусенко 1968 — Марусенко Т. А. Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов) // Полесье (Лингвистика. Археология. Топонимика). М.: Наука, 1968. С. 206—255.
- Матвеев 1980 — Матвеев А. К. Географические названия Урала: краткий топонимический словарь. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980.
- Мурзаев 1999 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1—2. М.: Картгеоцентр — Геодезиздат, 1999.
- Никонов 1966 — Никонов В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966.
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. Левичкин А. Н., Мызников С. А. СПб.: Наука, 2010.
- НПК — Новгородские писцовые книги, изданные Императорской археографической комиссией. Т. I—VI. СПб.: Сенат. тип., 1859—1910.
- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. Насонова А. Н. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950.
- Панин 1991 — Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII—XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1991.
- ПКВод — Переписная окладная книга по Новгороду Вотской пятины 7008 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 11. М., 1851; Кн. 12. М., 1852.
- ПКНЗ — Писцовые книги Новгородской земли / Сост. Баранов К. В. Т. 1—6. М.; СПб.: Археографический центр; Древлехранилище; Дмитрий Буланин, 1999—2009.
- Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб.: Тип. Имп. АН, 1885.
- Полякова 2007 — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2007.
- ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 1—. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та; СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1967—.
- Поспелов 2001 — Поспелов Е. М. Географические названия мира: Топонимический словарь. 2-е изд., стереотип. М.: АСТ; Астрель, 2001.
- РЭС — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1—. М.: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Нестор-История, 2007—.
- СВГ 1983 — Словарь вологодских говоров (А—Г) / Под ред. Паникаровской Т. Г. Вологда: ВГПИ, 1983.
- Селигер, 4 — Селигер: Материалы по русской диалектологии: Словарь / Под ред. Герда А. С. Вып. 4 (Н—П). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010.
- СлРЯ XI—XVII вв. — Словарь русского языка XI—XVII в. Вып. I—XXIX—. М., 1975—2011—.
- СНМНГ — Список населенных мест Новгородской губернии / Под ред. Подобедова В. А. Вып. I—VIII. Новгород: Губернская типография, 1907—1912.
- СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. Герд А. С. Вып. 1—6. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1994—2005.
- Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I—III. СПб.: Тип. Имп. АН, 1893—1912.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. 2-е изд., исправленное / Отв. ред. Сороколетов Ф. П. Вып. 1—47—. СПб.: Наука, 2002—.
- Туркин 1986 — Туркин А. И. Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1986.
- Фасмер, I—IV — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и дополнения Трубачева О. Н. Т. I—IV. М.: Прогресс, 1964—1973.
- Чикачев 2005 — Чикачев А. Г. Диалектный словарь Русского Устья / Отв. ред. чл.-корр. РАН Аникин А. Е. Новосибирск: Наука, 2005.
- Шанько 1929 — Шанько Д. Ф. Реки и леса Ленинградской области. Л.: Изд. Областного Лесного Отдела, 1929.
- Шкапский 1912 — Шкапский О. А. Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение). С картографией озерных районов. Псков: Электр. типо-лит. Губ. земства, 1912.

- ЭСРДС — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) / Под ред. Трубачева О. Н., Журавлева А. Ф. Вып. 1.— М.: Наука, 1974—.
- ESSZI — Snoj M. Etimološki slovar slovenskih zemljepisnih imen. Ljubljana: Modrijan: Založba ZRC, 2009.
- Vanagas 1981 — Vanagas A. *Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas*. Vilnius: Moksas, 1981.
- Vasm. RGN — *Russisches geographisches Namenbuch* / Begr. von Vasmer M. Bd. I—X. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1962—1981.
- Vasm. WRG — *Wörterbuch der russischen Gewässernamen* / Begr. von Vasmer M. Bd. I—VI. Berlin; Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1961—1973.
- Vasmer 1971 — Vasmer M. *Schriften zur slavischen Altertumskunde und Namenkunde*. Bräuer H. (Hrsg.). Bd. I—II. Berlin; Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1971.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Проблемы русской диалектной этимологической лексикографии. Дисс. в виде научн. докл. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2000. [Anikin A. E. *Problemy russkoi dialektnoi etimologicheskoi leksikografii. Dokt. diss. v vide nauchn. dokl.* [Problems of the Russian dialectal etymological lexicography. Doct. diss. in the form of scientific report]. Ekaterinburg, 2000.]
- Бахрушин 1928 — Бахрушин С. В. Очерки по колонизации Сибири в XVI и XVII вв. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1928. [Bakhrushin S. V. *Oчерки по kolonizatsii Sibiri v XVI i XVII vv.* [Essays on the colonization of Siberia in the 16th and 17th c.] Moscow: M. and S. Sabashnikovs Publ., 1928.]
- Васильев 2009 — Васильев В. Л. Древнеевропейская гидронимия на Русском Северо-Западе // Иванов Вяч. Вс. (ред.). Балто-славянские исследования. XVIII. Сб. статей. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 262—278. [Vasil'ev V. L. Old European hydronymy in the Russian North-West. *Balto-slavyanskije issledovaniya*. XVIII. A collection of articles. Ivanov Vyach. Vs. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. Pp. 262—278.]
- Васильев 2012a — Васильев В. Л. К истокам сравнения *как в камский мох* // Язык и прошлое народа: сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. С. 52—66. [Vasil'ev V. L. On the origin of the simile *kak v kamskii mokh*. *Yazyk i proshloe naroda: Sb. nauch. st. pamyati prof. A. K. Matveeva*. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2012. Pp. 52—66.]
- Васильев 2012b — Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. [Vasil'ev V. L. *Slavyanskije toponimicheskie drevnosti Novgorodskoi zemli* [Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land]. Moscow: Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi, 2012.]
- Васильев 2014 — Васильев В. Л. Этимологические наблюдения над лексикой и топонимией Русского Северо-Запада. II. (Гидронимы на *Лин-*, термины *налым*, *налье*, *налой*) // Русский язык в научном освещении. 2014. № 1(27). С. 252—264. [Vasil'ev V. L. Etymological observations of lexicon and toponymy of the Russian North-West. II. (Hydronyms with *Lin-*, terms *nalym*, *nal'e*, *naloi*). *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2014. No. 1(27). Pp. 252—264.]
- Васильев 2016 — Васильев В. Л. Еще раз о происхождении названий реки Вятка и города Вятка (совр. Киров) // Вопросы ономастики. 2016. Т. 13. № 2. С. 23—39. [Vasil'ev V. L. Revisiting the origin of the name of the Vyatka river and the Vyatka city (Kirov). *Voprosy onomastiki*. 2016. Vol. 13. No. 2. Pp. 23—39.]
- Васильев 2017 — Васильев В. Л. Гидронимия бассейна реки Мсты: свод названий и анализ микросистем. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. [Vasil'ev V. L. *Gidronimiya basseina reki Msty: svod nazvanii i analiz mikrosistem* [Hydronymy of the Msta river basin: A collection of names and the analysis of microsystems]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2017.]
- Глускина 1968 — Глускина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров) // Богородский Б. Л. (ред.). Псковские говоры. Вып. II. Псков: ПГПИ, 1968. С. 20—43. [Gluskina S. M. On the second palatalization of velar consonants in Russian (on the basis of the North-West dialects). *Pskovskie govory*. No. II. Bogorodskii B. L. (ed.). Pskov: Pskov State Pedagogical Institute, 1968. Pp. 20—43.]
- Дерягин 1967 — Дерягин В. Я. Откуда дует ветер? // Русская речь. 1967. № 2. С. 85—88. [Deryagin V. Ya. Whence does the wind blow? *Russkaya rech'*. 1967. No. 2. Pp. 85—88.]

- ДНД₂ — Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2004. [Zaliznyak A. A. *Drevnenovgorodskii dialekt* [Old Novgorod dialect]. 2nd ed. Moscow: Yazyki Slavyanskoj Kul'tury, 2004.]
- Захарова и др. 1970 — Захарова К. Ф., Орлова В. Г., Сологуб А. И., Строганова Т. Ю. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров (по материалам лингвистической географии). М.: Наука, 1970. [Zakharova K. F., Orlova V. G., Sologub A. I., Stroganova T. Yu. *Obrazovanie severnorusskogo narechiya i srednerusskikh govorov (po materialam lingvisticheskoj geografii)* [Formation of the Northern Russian group of dialects and the Central Russian dialects (based on the materials of linguistic geography)]. Moscow: Nauka, 1970.]
- Зеленин 1913 — Зеленин Д. К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением заднеязычных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Издание Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук, 1913. [Zelenin D. K. *Velikorusskie govory s neorganicheskim i neperekhodnym smyagcheniem zadnezychnykh soglasnykh v svyazi s techeniyami pozdneishei velikorusskoj kolonizatsii* [Great Russian dialects with non-organic and intransitive palatalization of consonants in connection with trends of the latest Great Russian colonization]. St. Petersburg: Department of the Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1913.]
- Игнатов 1992 — Игнатов М. Д. Этимология гидронима *Вишеря* // *Linguistica Uralica*. 1992. Т. 28. № 3. С. 180—184. [Ignatov M. D. Etymology of the *Vishera* hydronym. *Linguistica Uralica*. 1992. Vol. 28. No. 3. Pp. 180—184.]
- Истомина, Яковлев 1989 — Истомина Э. Г., Яковлев З. М. Голубое диво: Историко-географический справочник о реках, озерах и болотах Новгородской области. Л.: Лениздат, 1989. [Istomina E. G., Yakovlev Z. M. *Goluboe divo: Istoriko-geograficheskii spravochnik o rekakh, ozerakh i bolotakh Novgorodskoi oblasti* [A blue marvel: A historical and geographical guide to the rivers, lakes, and bogs of the Novgorod region]. Leningrad: Lenizdat, 1989.]
- Кабинина 2011 — Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. [Kabinina N. V. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomor'ya* [Substrate toponymy of Arkhangel'sk coastal area]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2011.]
- Казакова 2011 — Казакова Е. Д. Вятка и вятчане в русской языковой традиции // Вопросы ономастики. 2011. № 2. С. 19—50. [Kazakova E. D. Vyatka and Vyatka citizens in the Russian linguistic tradition. *Voprosy onomastiki*. 2011. No. 2. Pp. 19—50.]
- Касаткина 1991 — Касаткина Р. Ф. Рефлексы *ѣ в некоторых севернорусских говорах // Вопросы языкознания. 1991. № 2. С. 65—73. [Kasatkina R. F. The reflexes of *ѣ in some North-Russian dialects. *Voprosy jazykoznanija*. 1991. No. 2. Pp. 65—73.]
- Корчагин, Лобанова 2012 — Корчагин П. А., Лобанова А. С. Очерки ранней истории Перми Великой: водно-волоковые пути // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 1(18). С. 121—134. [Korchagin P. A., Lobanova A. S. An outline of the early history of the Great Perm: Water-and-portage ways. *Vestnik Permskogo universiteta*. 2012. No. 1(18). Pp. 121—134.]
- Кривошекова-Гантман 1983 — Кривошекова-Гантман А. С. Географические названия Верхнего Прикамья (с кратким топонимическим словарем). Пермь: Кн. изд-во, 1983. [Krivoshchekova-Gantman A. S. *Geograficheskie nazvaniya Verkhnego Prikam'ya (s kratkim toponimicheskim slovarem)* [Toponyms of the Upper Kama region (with a concise toponymic dictionary)]. Perm: Permskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1983.]
- Куза 1975 — Куза А. В. Новгородская земля // Бескровный Л. Г. (ред). Древнерусские княжества X—XIII вв. М.: Наука, 1975. С. 144—201. [Kuza A. V. The Novgorod land. *Drevnerusskie knyazhestva X—XIII vv.* Beskrovnyi L. G. (ed.). Moscow: Nauka, 1975. Pp. 144—201.]
- Матвеев 1987 — Матвеев А. К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке европейской части СССР // Вопросы языкознания. 1987. № 2. С. 66—76. [Matveev A. K. Archaic Russian toponymy in the European North-East of the USSR. *Voprosy jazykoznanija*. 1987. No. 2. Pp. 66—76.]
- Мельников 1977 — Мельников С. Е. Шелоник // Русская речь. 1977. № 5. С. 153—156. [Mel'nikov S. E. Shelonik. *Russkaya rech'*. 1977. No. 5. Pp. 153—156.]
- Насонов 2002 — Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. СПб.: Наука, 2002. [Nasonov A. N. *«Russkaya zemlya» i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva. Istoriko-geograficheskoe issledovanie* [«The Russian land» and formation of the territory of the Old Russian state. A historical and geographical study]. St. Petersburg: Nauka, 2002.]
- НГБ 1986 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М.: Наука, 1986. [Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1977—1983 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1977—1983)]. Moscow: Nauka, 1986.]

- НГБ 1993 — Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1984—1989 гг). М.: Наука, 1993. [Yanin V. L., Zalizniak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1984—1989 gg.)* [Novgorod birchbark letters (from the excavations of 1984—1989)]. Moscow: Nauka, 1993.]
- Николаев 1988 — Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах I. Кривичи // Иванов Вяч. Вс. (ред.). Балто-славянские исследования 1986. М.: Наука, 1988. С. 115—154. [Nikolaev S. L. Traces of features of the East Slavic tribal dialects in Modern Great Russian dialects. I. Krivichi. *Balto-slavyanskije issledovaniya 1986*. Ivanov Vyach. Vs. (ed.). Moscow: Nauka, 1988. Pp. 115—154.]
- Николаев 1989 — Николаев С. Л. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах I. Кривичи (окончание) // Иванов Вяч. Вс. (ред.). Балто-славянские исследования 1987. М.: Наука, 1989. С. 187—225. [Nikolaev S. L. Traces of features of the East Slavic tribal dialects in Modern Great Russian dialects. I. Krivichi (end). *Balto-slavyanskije issledovaniya 1987*. Ivanov Vyach. Vs. (ed.). Moscow: Nauka, 1989. Pp. 187—225.]
- Полякова 1988 — Полякова Е. Н. От «араины» до «яра». Русская народная географическая терминология Пермского края. Пермь: Пермское книжное издательство, 1988. [Polyakova E. N. *Ot "araina" do "yara"*. *Russkaya narodnaya geograficheskaya terminologiya Permskogo kraja* [From "araina" to "yar". Russian folk geographical terminology of the Perm territory]. Perm: Permskoe Knizhnoe Izdatel'stvo, 1988.]
- Попов 1981 — Попов А. И. Следы времен минувших. Из истории географических названий Ленинградской, Псковской и Новгородской областей. Л.: Наука, 1981. [Popov A. I. *Sledy vremen minuvshikh. Iz istorii geograficheskikh nazvanii Leningradskoi, Pskovskoi i Novgorodskoi oblastei* [Traces of the past ages. From the history of geographical names of Leningrad, Pskov, and Novgorod regions]. Leningrad: Nauka, 1981.]
- Седов 1999 — Седов В. В. Древнерусская народность. М.: Языки русской культуры, 1999. [Sedov V. V. *Drevnerusskaya narodnost'* [The Old Russian nationality]. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999.]
- Строгова 1991 — Строгова В. П. Как говорят в Новгородском крае. Новгород: Старорусская укрупненная типография, 1991. [Strogoval V. P. *Kak govoryat v Novgorodskom krae* [How people talk in the Novgorod territory]. Novgorod: Starorusskaya Ukрупnennaya Tipografiya, 1991.]
- Толстой 1969 — Толстой Н. И. Славянская географическая терминология. Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. [Tolstoi N. I. *Slavyanskaya geograficheskaya terminologiya. Semasiologicheskie etyudy* [Slavic geographical terminology. Semasiological studies]. Moscow: Nauka, 1969.]
- Филин 1972 — Филин Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л.: Наука, 1972. [Filin F. P. *Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorusskogo yazykov. Istoriko-dialektologicheskii ocherk* [The origin of the Russian, Ukrainian, and Belarusian languages. A historico-dialectological study]. Leningrad: Nauka, 1972.]
- Хелимский 2000 — Хелимский Е. А. О нескольких лексических реликтах новгородской и севернорусской колонизации // Хелимский Е. А. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 349—350. [Helimski E. A. On some lexical relics of the Novgorod and North Russian colonization. Helimski E. A. *Komparativistika. Uralistika. Leksii i stat'i*. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 2000. Pp. 349—350.]
- Хелимский 2002 — Хелимский Е. А. Трансевразийские аспекты русской этимологии // Русский язык в научном освещении. 2002. № 2(4). С. 75—90. [Helimski E. A. Trans-Eurasian aspects of the Russian etymology. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2002. No. 2(4). Pp. 75—90.]
- Янин 1990 — Янин В. Л. Новгородские акты XII—XV вв.: Хронологический комментарий. М.: Наука, 1990. [Yanin V. L. *Novgorodskie акты XII—XV vv.: Khronologicheskii kommentarii* [Novgorod acts of the XII—XV centuries. Chronological comments]. Moscow: Nauka, 1990.]
- Янин 2004 — Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М.: Наука, 2004. [Yanin V. L. *Srednevekovyi Novgorod: Ocherki arkheologii i istorii* [Medieval Novgorod: Essays on archeology and history]. Moscow: Nauka, 2004.]
- Makarov et al. 2012 — Makarov N. A., Brisbane M. A., Nosov E. N. Medieval Novgorod in its wider context. *The archaeology of medieval Novgorod in context: Studies in centre / periphery relations*. Brisbane M., Makarov N., Nosov E. (eds.). Oxford: Oxbow Books, 2012. Pp. 1—9.